

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Осиповой Ксении Викторовны на тему «Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Диссертационное исследование К.В.Осиповой «Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте» представляет собой обширное, многостороннее междисциплинарное исследование, посвященное отражению одного из важнейших аспектов традиционной культуры – пище – в диалектной лексике Русского Севера. Работа основана на богатейшем материале, представленном как во многочисленных диалектных словарях, так и в архиве Топонимической экспедиции УрФУ, в течение нескольких десятилетий изучающей лексику Русского Севера – не только с точки зрения топонимии, но значительно шире.

Диссертация продолжает серию работ, написанных учеными – представителями екатеринбургской этнолингвистической школы, – исследующими различные аспекты диалектной лексики Русского Севера в отношении ее мотивированности фактами традиционной культуры, функционировании в рамках крестьянской традиции, соотносении с различными мифологическими, ритуальными, нарративными, коммуникативными аспектами. Труды К.В.Осиповой занимают в этом ряду достойное место, а представленная к защите диссертация подводит итог многолетним изысканиям автора.

Актуальность работы обусловлена тем, что, с одной стороны, в севернорусском регионе сохранились многие блюда славянской традиционной кухни – не только как гастрономическое явление, но и шире: это целый этнокультурный комплекс, включающий представления о выборе и подготовке продуктов, способе приготовления и сервировки, времени и обстоятельствах приготовления и поедания, хозяйственных, социальных, коммуникативных, ритуальных практиках, в которых оказывается задействовано блюдо. Всем вышеперечисленным обусловлен тот исследовательский интерес, который заставил автора создать труд объемом 600 с лишним страниц. Особый интерес севернорусские говоры вызывают еще и потому, что несмотря на относительно позднюю колонизацию на этой территории сохранились достаточно древние элементы и традиционной культуры, и языка, а соседство с финно-угорскими народами и влияние финно-угорского лексического субстрата позволяет наблюдать процессы взаимодействия, взаимовлияния и сосуществования разных языковых стихий.

Исследование связанной с пищей севернорусской лексики в различных аспектах предваряется большим разделом, освещающим историю этнолингвистики как научной дисциплины, находящейся на стыке лингвистики и этнологии и активно использующей и совмещающей методы обеих наук. Особенно подробно в работе изложены история, методология, теоретическая база и практические подходы, принятые в школе екатеринбургской этнолингвистики, к которой принадлежит и автор диссертации. Таким образом, весьма подробно очерчены не только основные принципы анализа материала, но и общие подходы и методы, используемые в исследовательской традиции екатеринбургской этнолингвистики, сформировавшие научные взгляды автора диссертации. Хотя подобный

историографический очерк сам по себе имеет научную ценность, но в диссертации он играет лишь прикладную роль.

Основная часть исследования К.В.Осиповой включает четыре главы (помимо первой, в которой обосновывается методология и историография), где рассматриваются «лексика питания в свете природных, хозяйственно-промысловых и социокультурных особенностей Русского Севера», «народная лингвистическая таксономия пищи и питания», «лексика пищи и питания в ареальном и типологическом аспектах», «лексика пищи и питания в контексте традиционной культуры», завершает диссертацию 6-я глава, содержащая «опыт составления этнолингвистического словаря лексики пищи и питания». Во всех главах на предельно обширном материале, учитывающем разнообразные диалектные варианты и версии, в синхронном и диахронном аспектах в связи с экстралингвистическими фактами, в широком этнокультурном аспекте рассматривается «пищевая» лексика – не только как набор отдельных лексем, но и как система, функционировавшая и в известной мере продолжающая функционировать в современной традиционной культуре.

Анализ лексики пищи и питания позволил не только изучить принципы организации питания, наиболее важные способы приготовления пищи, таксономию пищевых продуктов и блюд, содержащуюся в коллективных представлениях связь между пищей, хозяйственной деятельностью, образом жизни и системой ценностей жителей севернорусского региона, но и диалектное членение этого региона, с его зонами, во многом противопоставленными одна другой, что возвращает нас к моменту колонизации Севера и выстраивания взаимодействия переселенцев разных волн между собой и с автохтонным населением. Таким образом, наблюдение за географическим распределением наименований пищи позволяет автору диссертации сделать выводы о зонах соприкосновения и разделения волн новгородской и ростово-суздальской миграции, о влиянии финно-угорского населения колонизованных территорий на формирование лексики и пищевого поведения пришедших с юга славян, а также об их влиянии на быт, язык и образ жизни субстратного населения.

Особо хотелось бы отметить ряд приложенных к работе карт, которые дают наглядное представление о распространении ряда лексем, обозначающих пищу, на территории Русского Севера и демонстрируют значение метода картографирования глосс в исследовании традиционной культуры – не только с позиций (этно)лингвистики. Не менее важен прилагаемый к работе в 6-й главе «опыт этнолингвистического словаря лексики пищи и питания». В нем представлено всего несколько статей, из которых, однако, хорошо понятен метод и потенциал этого словаря, который еще только предстоит создать. Разработана и мотивирована четкая структура словарной статьи, где за основной дефиницией следует «общая характеристика, наименования, региональные разновидности», описание использования блюда в рамках застолья, развитие значений лексемы, использование блюда в народном календаре и семейных обрядах.

Замечания и вопросы, которые можно высказать по поводу представленной диссертации, носят частный характер, не затрагивают предложенной автором концепции и высказываются скорее в порядке дискуссии, чем критики.

На мой взгляд, в ряде случаев К.В.Осипова в интерпретации тех или иных фактов языка через апелляцию к традиционной культуре чрезмерно увлекается собственными идеями или недостаточно обоснованными предпосылками, что ведет

к некоторой «подтасовке» фактов, подмене одних акцентов другими и – соответственно – к неточностям в выводах. Так, объясняя мотивационную модель, лежащую в основании коллективного прозвища *мандоеды*, автор пишет: «разведение оленей и употребление оленины, характерное для северных народов и нетипичное для русских, послужило основой иронического прозвища жителей Койденского сельского совета Мезенского района Архангельской области мандоёды, народная мотивация которого представляет собой историю-анекдот: "Давно как-то старому деду подкинули вареную манду оленью, а он и съел, вот и прозвали мандоедами"» (с. 113). Однако и анекдот, и само прозвище акцентируют употребление в пищу отнюдь не оленины, которая хотя и не была в широком употреблении у большей части русского населения северных губерний и областей, но не рассматривалась как нечто противоречащее обычаям. Прозвище и анекдот отмечают ненормативность употребления в пищу гениталий животного (и, надо полагать, не только оленьих).

Говоря о том, что на Русском Севере не было принято употреблять в пищу кровь животных, К.В.Осипова мотивирует это тем, что будто бы «ее употребление нарушало этические и христианские нормативы» (с. 121). Утверждение выглядит несколько недоказанным и недостаточно внятно сформулированным: во-первых, какие «этические нормативы», помимо христианских, могут влиять на употребление крови в пищу, о какой этике по отношению к крови животных речь? во-вторых, «христианские нормативы» тоже никак не запрещают употребления крови в пищу (не стоит их путать с ветхозаветными запретами); в-третьих, собственно «христианские нормативы» здесь особого значения не имеют, скорее важна фольклорная интерпретация христианского канона или вернакулярные правила, однако в следующей строке говорится, что «традиция приготовления крови – блюда из крови свиньи – известна на юго-востоке севернорусской зоны: в Вохомском районе Костромской области» (там же). Кроме того на юге и западе восточнославянской этнокультурной зоны, а также в Восточной, Центральной и Северной Европе кровь вполне употребляется в пищу и никакие «этические и христианские нормативы» тому не препятствуют. Возможно, есть какие-то иные объяснения малому распространению кулинарных изделий из крови на Русском Севере?

Следует отметить, что предлагая читателю весьма глубокий и качественный этимологический и мотивационный анализ лексики, К.В.Осипова позволяет себе куда менее взвешенные, аккуратные и аргументированные утверждения из области этнографии. Например, в связи с употреблением в пищу мяса делается утверждение, что «особый семиотический статус имело мясо только что зарезанного животного, которое считали самым вкусным, употребляли коллективно и дарили святым-покровителям: его высокий знаковый статус мог быть связан с архаическими охотничьими ритуалами распределения добычи и жертвоприношения» (с. 122–123). Здесь автор диссертации попадает под убаюкивающее воздействие расхожих спекулятивных рассуждений об этнографической «архаике» – этот ярлык позволяет отказаться от дальнейшего анализа генезиса явлений культуры и превращает их в «архетип», не подлежащий в силу мнимой древности дальнейшему исследованию. Вероятно, есть основания думать (продолжим в той же стилистике), что «древние» охотники приносили своим «языческим божествам» лучшие части своей добычи, однако нет ни малейшего повода лишать той же интенции и скотоводов, которые – как

неоднократно замечает К.В.Осипова – сами ели весьма немного мяса: отдавать лучшие куски мяса, произведенного в собственном хозяйстве, Богу или святым представляется вполне естественным процессом, не нуждающимся ни в какой искусственной архаизации. К тому же мнение о том, что для христианства кровное жертвоприношение есть нечто противоестественное (не в идеале и теории, а на практике), есть не что иное, как стереотип, противоречащий множеству свидетельств (см., например, Kovaltchuk E. The encaenia of st Sophia: animal sacrifice in a christian context // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. Т. 4. Saint-Petersbourg, 2008. P. 158-200; Барабанов Н.Д. Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // *Византийский Временник* 63. 2004. С. 89–113; Бојанин С. Курбан пре курбана: крвна жртва на преосманском Балкану // *Крвна жртва. Трансформације једног ритуала*. / Уредник Б. Сикимић. Београд, 2008. С. 11-36).

В разделе, посвященном хлебу, кажется, было бы очень важно отделить собственно хлеб от пирогов, которые, как замечает автор, могли быть и без начинки. Это дает повод для смешения и путаницы, но стоило бы избегать такого соблазна. Едва ли *колоб* и *житник* можно рассматривать в одном этнографическом контексте.

Хотелось бы высказать замечание относительно собственно лингвистических выводов автора диссертации. В разделе, посвященном студню, К.В.Осипова высказывает – весьма осторожно – предположение о происхождении одного из его диалектных названий – жулей: «Не до конца ясную мотивацию имеет волог. *жулей* ‘студень, застывший рыбный или мясной бульон’, которое отмечено в словаре П. А. Дилакторского, где дается по источнику, опубликованному до 1852 года, и, к сожалению, не имеет более точной географической атрибуции [Дилакторский 2006: 132]. Поиск словообразовательных связей этой формы приводит к новг. гл. *жулитъся* ‘жаться, ежиться’» (с. 118). Далее приводится большой список вологодских и новгородских дериватов этого глагола и вывод, что лексема *жулей* вполне может восходить к нему. В принципе, рассуждение выглядело бы вполне убедительно, если бы не странная формулировка по поводу «отсылки к источнику до 1852 года». Заметим, что все рассуждение строится на лексеме, зафиксированной в словаре Дилакторского – и только. Между тем загадочный источник, «опубликованный до 1852 года», – это работа И.Муромцева «Местные вологодские слова и выражения, не вошедшие еще в изданный 1852 года Вторым Отделением Императорской Академии Наук: Опыт областного великорусского словаря», опубликованная в «Вологодских губернских ведомостях» (1852. – № 35. – С. 394-395 ; № 36. – С. 404-406 ; № 37. – С. 416-417 ; № 38. – С. 430-433 ; № 41. – С. 462-465 ; № 42. – С. 471-474). Дилакторский дает в своем словаре это слово именно со ссылкой на Муромцева, то есть не знаком с ним сам. Примечательно при этом, что если Дилакторский ставит ударение в слове на У, то у Муромцева ударение не стоит. Таким образом, мы можем предположить и иное ударение: жулѐй. Не логичнее ли в этом случае воспринимать это слово как искаженное *желе*, принесенное из города крестьянами, ходившими на заработки (нормальная практика на Русском Севере)? Переходная форма *желей* достаточно хорошо известна и зафиксирована, например, в словаре Грота-Шахматова, равно как и значение ‘студень’ у слова *желе*. Эта версия позволяет не объяснять роль и происхождение форманта –ей.

Отмечу еще пару неточностей: при пересказе текста, записанного фольклорной экспедицией РГГУ в Каргопольском районе и опубликованного в издании «Каргополье. Фольклорный путеводитель» М., 2009, К.В.Осипова подменяет топонимы: вместо упраздненного села Лихая Шалга упоминается Малая Шалга (с. 81), расположенная в совершенно иной части района, так что ее название не могло появиться в соответствующем контексте. Это выглядит как попытка «исправить ошибку» первоисточника с опорой на современную карту, но без обращения к более авторитетным данным.

Примерно так же прочитывается совершенно иного рода тезис, что слово *у́едь* «могло прийти в севернорусские говоры из былинного фольклора, где представлено в большем количестве словообразовательных вариантов» (с. 242). Действительно, именно на Русском Севере (не всем, а в нескольких ограниченных ареалах) записано большинство былин, их язык заметно отличается от языка других фольклорных жанров и от диалектной речи. Но можно ли говорить о нем как о первоисточнике? Гипотетически можно предположить, что язык былин сохраняет и служит источником некоторого устаревшего лексического пласта, но не стоит ли в таком случае объяснить, как эта лексика попадает в былины и какие есть еще примеры подобного использования в диалектах былинного лексикона?

Повторюсь: высказанные замечания носят частный характер и ни в коей мере не ставят под сомнение достоинств диссертации.

Диссертация соответствует специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России и требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Осипова Ксения Викторовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент
Мороз Андрей Борисович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор Школы филологических наук
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
тел. +7 495 531-00-00;
hse@hse.ru

ПО ПЕРСОНАЛУ
КИСИНМ.

